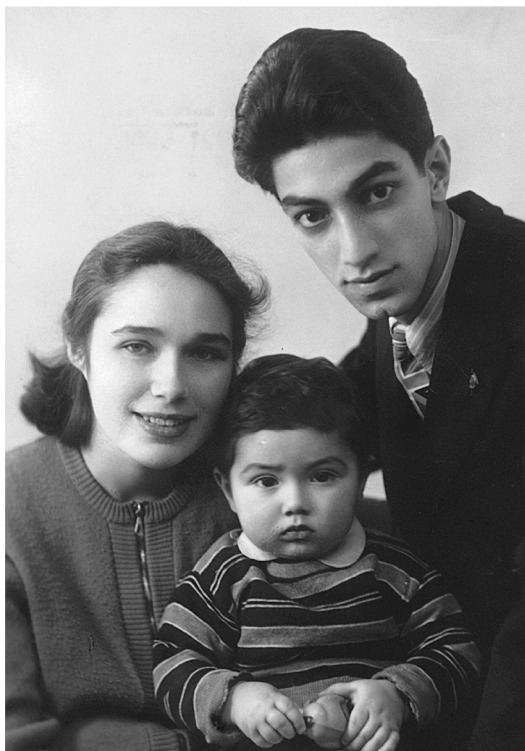

Обостренное чувство справедливости

Невыразимо трудно и больно писать в прошедшем времени о человеке, которого я знал и по-братски любил на протяжении без малого шести десятков лет. Наше первое, чисто визуальное знакомство с Серго состоялось летним субботним днем на государственной даче моего отца, куда он прискакал на племенном жеребце (взятом на прокат на конезаводе) для встречи с моей старшей сестрой Аллой, ставшей в скором времени его женой. В дороге он, видимо, простудился и с высокой температурой и воспаленным горлом был оставлен на ночлег. А наутро отец в белом халате и с кастрюлей на голове, с огромной кллизмой в руках явился шумной кампанией (били ложками о дно кастрюль) вместе с нами, своими детьми, одетыми санитарями, будить Серго. Тот был изумлен, поскольку в его доме, как я позже мог убедиться на своем опыте, царили скорее строгие, пуританские порядки.

С женой Аллой и сыном Владимиром

Серго отличало обостренное и, я бы подчеркнул, действенное чувство справедливости. В страшное время, связанное с фабрикацией так называемого «ленинградского дела» и арестом моих родителей, он не только не дистанцировался, но и по существу спас меня от депортации, уговорив своего отца взять сына «врага народа» под опеку, поселив на своей даче.

А свадьба Серго состоялась в день отстранения отца его невесты, Алексея Александровича Кузнецова, от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б) и члена оргбюро ЦК. Чтобы не подвергать риску положение А.И.Микояна, отец, сославшись на недомогание, хотел остаться дома. Но Анастас Иванович настоял на его приезде на свадьбу Аллы и Серго и даже послал за ним свою машину.

Когда нас выселяли из огромной квартиры на улице Грановского (ныне Романов переулок), Серго со своими братьями помогал перевозить оставшиеся от конфискации вещи в предоставленное нам более чем скромное, фактически полудворничье жилье.

Прошли те годы, и Серго первый узнал от своего отца и радостно сообщил нам о полной реабилитации моих родителей, из которых, увы, из заключения вернулась только теща моего отца — Зинаида Дмитриевна Воинова-Кузнецова. Вскоре на Серго обрушилось безутешное горе: смерть от рака крови Аллы, оставившей на его руках троих маленьких детей — моих первых племянников. Какое-то время их помогала воспитывать, пока была жива, моя мама. Большое участие в судьбе осиротевших детей принимала недавно скончавшаяся Эля —

жена старшего брата Серго Героя Советского Союза, заслуженного летчика-испытателя, генерал-лейтенанта Степана Анастасовича.

Память хранит теплые майские вечера, наполненные ароматом сирени, когда я с друзьями-однокурсниками на террасе правительственного особняка А.И.Микояна на Ленинских горах до рассвета читал кандидатскую диссертацию Серго, посвященную кашмирской проблеме. А на следующий день с гордостью соучастников мы присутствовали в МГИМО на ее успешной защите. В последующие годы мы с Серго, уже доктором исторических наук, ученым, журналистом, публицистом практически ежедневно общались как друзья-родственники.

В.А.КУЗНЕЦОВ,
директор «Меркурий-клуба»

Ему аплодировали Фидель и Макнамара

Ушел из жизни Серго Анастасович Микоян, стоявший у истоков создания нашего родного журнала «Латинская Америка». Мне довелось познакомиться с Серго в далеком 1947 г. на вступительных экзаменах по иностранному языку в Московский государственный институт международных отношений. Кучка абитуриентов горячо обсуждала вопрос, какой язык следовало бы выбрать. Я остановился на испанском, движимый романтической памятью о гражданской войне в Испании, надеждами на скорое падение режима Франко. Оказавшийся рядом Серго, о принадлежности которого к знаменитой фамилии Микоян я не имел ни малейшего понятия, волнуясь, стал втолковывать мне, что это вряд ли разумно и что, учитывая перспективы развития международных отношений, целесообразно выбрать английский. Он был прав, но в 1959 г. заметил: «Тебя выручила кубинская революция, не будь ее, пропадать бы тебе в латиноамериканских пампасах и сельвах!». Мы долго шли параллельными путями по жизни, не теряя друг друга из виду. В глаза всегда бросались его невероятная скромность, верность в дружбе, работоспособность. Генрих Боровик, Юлий Воронцов* с институтских времен и до последних лет жизни Серго составляли его «ближний круг», в который меня приняли в 1959 г., когда сам Серго стал разворачивать свой жизненный корабль в сторону Латинской Америки. Причиной тому стали события, происходившие после победы революции на Кубе, в которых его отец принимал решающее участие. В 1960 г. Серго вместе с отцом приехал на Остров Свободы и настолько был потрясен увиденным, что бросил свое увлечение пакистанско-индийскими отношениями и всю последующую жизнь посвятил изучению Латинской Америки. В тот год Кремль впервые увидел на карте мира Латинскую Америку: в ЦК, в МИД, в КГБ, в системе Академии наук и т.д. создавались секторы, отделы, управления, институты, ориентированные на работу на «пылающем континенте». В ту пору родился и наш журнал. Мы с Серго шли дальше по жизни уже рука об руку. За 50 прошедших лет не было ни одного сколько-нибудь значимого события в мире или в Латинской Америке, которое бы не было темой нашего обстоятельного обсуждения. Наши взгляды либо совпадали, либо были близкими. Он часто говорил, что информация — это особый товар. «Делясь информацией друг с другом, мы ничего не теряем, но становимся вдвое богаче, получая за свои знания знания собеседника».

* Юлий Михайлович Воронцов (1929—2007) — видный советский и российский дипломат, заместитель Генерального секретаря ООН (1992 г.).